

---

---

В. И. САМОХВАЛОВА

**КУЛЬТУРА НА РЫНКЕ.  
ИТОГИ МОНЕТИЗАЦИИ НОРМ,  
ЦЕННОСТЕЙ, СМЫСЛОВ**

И глядит она убито,  
всеми позабытая,  
у разбитого корыта  
в зеркало разбитое.

*Е. Евтушенко<sup>1</sup>*

*Статья посвящена рассмотрению культурных последствий функционирования рынка, его правил и моделей в современном российском обществе. Показано деформирующее воздействие механизмов и психологии рынка на содержание культуры, характер ценностей сознания человека и общества, на возможности творческой реализации личности.*

**Ключевые слова:** человек, общество, культура, рынок, ценности, деформация.

Ушедший в прошлое 2014 г., объявленный в нашей стране Годом культуры, с необходимостью стал временем серьезных размышлений о том, что же происходит с культурой в современном обществе, как живет культура в условиях торжества рынка, как в этих условиях разворачивается ее собственное сложное и специфическое бытие. И главное – как живет человек с такой культурой в этих условиях, что происходит с искусством, наукой, с самим человеком и как эту ситуацию и ее последствия можно оценить.

Как известно, и это подчеркивают многие исследователи<sup>2</sup>, для человека в процессе его эволюции стало очевидным, что не только и даже не столько конкуренция, сколько сотрудничество, разделе-

---

<sup>1</sup> Евтушенко Е. Медленная любовь. М., 1997. С. 76.

<sup>2</sup> См., в частности: Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма / В. П. Эфроимсон // Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998. С. 435–466.

ние трудовых усилий и взаимопомощь являются естественными условиями и ускорителями успешного развития общества *людей*. Подчеркиваем: именно общества *людей*, а не прайда, например, львов... Не тупое соперничество в чем-то ограниченном, но разделение труда и разделение обязанностей – по склонности, по одаренности, по способности... Это соответствует как желанию того или иного человека, так и успеху развития все более специализирующихся видов деятельности в становящемся все более разносторонне многообразном обществе людей.

Зачем создавать фетиш из конкуренции? Ведь это всего лишь способ активного (иногда агрессивного) способа предложения *своего* продукта, товара... К тому же это сопряжено с не всегда честными стремлениями представить этот товар необходимым, незаменимым и даже просто *качественным*. Дело не столько в нужности товара, сколько в способности рекламы (менеджмента, пиара) убедить человека в том, что без этого товара жить невозможно, неприлично и т. п. Товар не столько реально нужен, сколько представлен таковым... Одновременно при этом повышается уровень внушаемости людей и управляемости ими. Это побочные «продукты» утверждения рынка как формы экономической жизни: во-первых, торговля, сбыт товара *оказывается* важнее, предпочтительнее самого его производства; во-вторых, непроизводительные усилия занимают по времени и затратам большее место, чем производство; в-третьих, «побочным» продуктом является при этом то, что время человеческой жизни тратится бесцельно, отнимается у развития, творчества... В результате человек получает такой рынок, который враждебен смыслу, уму, психологии нормального развитого человека... Страдает и человек как потребитель, ибо производитель хочет производить больше и дешевле, но это не всегда соответствует качеству и потребностям разнообразного человеческого «материала». Что же касается рекламы этого товара, то ее качество заставляет говорить о таких ее далеко идущих целях, как воспитание оглуленного потребителя для более успешного функционирования рынка, не имеющего собственно человеческих, тем более культурных целей, а направленного лишь на сбыт продукции и обогащение. В целом общество, провозгласившее, что человек человеку – друг, товарищ и брат (даже если подобное только *заявляется*

как ценность, это тем не менее в известной степени обозначает и определяет исходные нравственные установки), весьма отличается от «общества», где человек человеку – волк, где господствует не закон общего пути, а закон джунглей. Такие общества различны по атмосфере, смыслу, цели<sup>3</sup>. Наконец, по составу и качеству образов, создаваемых совокупным сознанием. И совсем не безразлично, какие образы живут в общественном сознании и определяют его общий настрой, уровень, порядок.

Вообще рынок как особая организация обмена стоимостями в обществе выступает в качестве особой «социумной технологии», с помощью которой, а также при содействии навязчивой глупой рекламы, общество примитивизируется и управляется «дирижерами» в нужном направлении с целью превратить человеческое общество в инструмент достижения собственных целей – управления, обогащения, власти. Ведь очевидно, например, что кажущаяся по меньшей мере странной политика в сфере образования, науки, здравоохранения в результате создает неграмотное, необразованное население, которое, в свою очередь, становясь неуверенным в себе и перспективах своего существования, формирует убогие цели и идеалы, видит смысл своей жизни фактически в случайных и мелких целях, в качестве истинных ценностей избирает преходящие и ложные. Ведь человек, как известно, в отличие от животного, ценности которого определены естественной природой, за цель может принять что угодно, произвольно избранное им *или даже не им...* Рынок исходит из циничного убеждения, что человек в общем-то есть нечто вроде *внешне* усовершенствованного животного. Но усовершенствованного в условном – производстве лишнего, избыточного: потребления, фиктивных, навязываемых потребностей... При этом даже формы социальности человека рыночники выводят из начаточных форм социальности животных (пчел, муравьев, обезьян, собак). Но человек не есть просто усовершенствованное животное, он реализация другой *сущности* как результата другой организации бытия. Человек – иная природа, иная сущ-

---

<sup>3</sup> Было бы интересно спросить себя: а в каком типе общества предпочел бы оказаться читатель? Где он хотел бы жить? Окруженный врагами, конкурентами, тайными недоброжелателями и т. п., постоянно самоутверждаясь на грани выживания, или же друзьями и сотрудниками, на которых можно положиться, не ожидая от них подвоха?

ность. И его культура – свидетельство и доказательство этой особой его природы. Поэтому внутри человеческой культуры не могут действовать законы и принципы животного существования. Культура рынка исходит только из одного «качества» человека – его способности платить. За что лучше платят, то и производится. Однако человеческая культура строится на ином, гораздо более сложном принципе. И заставлять ее действовать по-животному – значит уничтожать ее. Культура, воспитываемая рынком, – это самоубийственная культура, ибо она игнорирует то, почему человек и есть именно человек. Она игнорирует идентичность человека, которая в определенном смысле составляет то, что не исчерпывается даже жизнью и смертью, – это собственно человеческая *сущность* человека, его душа, идентифицирующая его духовность.

Утверждающаяся безнациональная, «поликультурная», нивелирующая власть и в качестве основного инструмента использует столь же нивелирующее и безликое средство, как деньги. Всеобщая зависимость от денежной системы сделала их и главным средством мотивации к деятельности, и самым надежным средством управления в обществе, выведя их на первое место среди инструментов власти<sup>4</sup>. При этом современная фаза глобализации как некое условное выравнивание даже здесь означает нарастание концентрированного обезличивания и концентрированной власти. «Международная экономическая власть, сегодня выступающая как власть доллара, – писал в свое время А. С. Панарин, – с болезненной ревностью относится к непродаваемым и не отчуждаемым ценностям»<sup>5</sup>, каковыми являются ценности традиционной культуры, особенности национального сознания, история народа. Иными словами, рынок в плане денег и в отношении к ним стремится к обезличиванию культурной истории, национального своеобразия, и это неизбежно ведет к деформациям и утратам, в частности к утрате человеческих лиц – даже на денежных знаках. Ныне на всех национальных валютах, как и на российской, в основном архитектурные сооружения. С банкнот национальных валют, от которых отказались в результате перехода на единую европейскую, в частности, валюту, исчезли лица национальных героев, портреты политиче-

<sup>4</sup> См.: Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М., 2004. С. 177.

<sup>5</sup> Панарин А. С. *Народ без элиты*. М.: Алгоритм, 2006. С. 22.

ских и культурных деятелей, которыми были прежде украшены национальные банкноты. С 2000 г. лица исчезли, будучи заменены безликими изображениями памятников архитектуры, других сооружений, и на банкнотах евро. Своеобразное прощание с человеческими лицами. Символическое выражение процесса расчеловечивания.

В современном обществе, ставшем царством материи и плоти, вся жизнь вращается вокруг денег, основные события и главные новости так или иначе связаны по преимуществу с экономической жизнью: разного рода и вида торги и их результаты, значения основных валют... Все переосмысливается через деньги, смещается во внешнюю по отношению к собственному смыслу событий сторону. Международные события и договоры – на какие суммы заключены, сколько стоит инициатива и т. д. Культурная жизнь разворачивается и существует не в ее собственном смысле, логике и значении, но в переосмыслении через деньги (вложения, субсидии, стоимость, выручка и т. п.). Культура, политика уже не имеют собственного смысла – они воспринимаются и оцениваются вокруг и через деньги как общий их знаменатель и организующая ось. Деньги сообщают событиям нездоровый азарт, подогреваемый желанием получить больше, еще больше... И так далее до бесконечности. А. Моруа даже называет бизнес комбинацией войны и спорта – и по напряженности занятия, и по привычному исключительному интересу, который обычно проявляется и к спорту, и к актам насилия и террора в обществе. Примитивизация – и вспоминается Ф. Ницше с его вопросом по существу: не зияет ли нам в лицо пустота?

Деньги, являющиеся старым практичным «изобретением», в современном историческом контексте открывают новые стороны проявления своей природы и сущности, часто выступают как символ власти; при этом забыто прежнее различие денег как *способа* специфической власти и самого феномена *власти*, которая *в норме* деньгами не измеряется и несводима к количеству. Даже в столь *на вид* простых формах традиционного знания и древней культуры именно человеческий интеллект выступал более высоким инструментом (и обоснованием) более высокой власти. Ум, мозг человека есть инструмент более гибкий, многосторонний, многогранно

адекватный. Именно с его помощью обычно выстраивается пространство решения властных задач, определяется и организуется соответствующий этому контекст, осуществляется выбор адекватных средств.

На самого человека деньги действуют особым образом, выступая средством не освобождения, а дополнительного его угнетения. В данном случае человеку не оставляется сил на его аутентичное развитие: он старательно *выживает*, но при этом у него не остается сил и времени для собственного *развития* и, наконец, *исчезает* и сама потребность в развитии. Творчество и инновации не окупаются, в них всегда присутствует риск, поэтому само развитие, особенно создание его предпосылок и условий, оказывается предприятием нерентабельным. В этой связи все чаще вспоминают и слова К. Маркса о том, что человек – в окончательном счете – есть совокупность общественных отношений. При неправильно организованных и функционирующих общественных отношениях и человек оказывается несоответствующим своей природе и ее перспективам, если самого его при этом считать своего рода «предприятием» природы, предназначенным к собственно человеческому развитию в развивающемся *человеческом* обществе. В современном обществе, где человек силой обстоятельств оказался марионеткой денег и их функцией, он утрачивает даже суверенность, самостоятельность *живого*, не говоря уже о сужении функции *разумного* существа и утрате возможности восхождения к *духовному* существованию. Деньги постепенно становятся целью, регулятором и хозяином человека, распорядителем самого его бытия<sup>6</sup>.

В то же время в целом для большинства людей классической культуры, в особенности для людей творческих, прежде был характерен тот традиционный способ отношения к деньгам, который четко и лаконично обозначен известной поэтессой Мариной Цветаевой, «озвучившей» это распространенное, разумное и реальное, без фарисейства, понимание места и назначения денег для человека: «Деньги – моя возможность писать дальше. Деньги – мои завтрашние стихи. Деньги – мой откуп от издателей, редакций, квар-

---

<sup>6</sup> И даже популярная ныне поговорка «Ничего личного, только бизнес» фактически означает: ничего человеческого, просто обеспечение необходимости *безостановочной* циркуляции денег.

тирных хозяек, лавочников, меценатов – моя свобода и мой письменный стол. Деньги, кроме письменного стола, еще и *ландшафт* моих стихов, пароходы и поезда, везущие во все страны, на все и за все моря! Деньги – моя возможность писать не только дальше, но и лучше, не брать авансов, не торопить события, не затыкать стихотворных брешей случайными словами... Мои деньги – это, прежде всего, *твой* выигрыш, читатель!»<sup>7</sup> И это действительно нормальная функция денег<sup>8</sup> и их нормальное положение и место в обществе: для этого они нужны и этому они служат (они, а вовсе не им).

Но наше время и характерные для него явления «помутнения сознания»<sup>9</sup>, приводящие к помутнению многих разумных, выработанных временем идей и отношений, привели и к массовой деформации отношения к деньгам. Искаженное понимание и фальсифицированные схемы отношений в обществе (и происходящие естественным порядком в связи с описанным Х. Ортегой-и-Гассетом «восстанием масс», и «искусственно наведенные» с помощью направленных «информационных воздействий», приводящих к повреждению традиционной иерархии ценностей и порождению ложных потребностей) влекут за собой и искажение практики. Деньги из средства становятся не просто целью, но даже сверхцелью. В частности, современные, особенно постсовременные деньги, делающие не производство (в разнообразных способах его понимания и осуществления), а посредничество (в том числе обычную спекуляцию) основным моментом экономической жизни, способны формировать особый тип мышления – мышление количественными категориями отвлеченной рентабельности и прибыльности, которые выходят за пределы привычной сферы экономического и превращают человеческие понятия в какие-то иные, как бы иноприродные. Так, самым эффективным инструментом и универсальным «ключом» к достижению главной цели для современного человека – брать от жизни все, хорошо жить, объявленной в этом качестве так называемым неолиберальным гуманизмом, – оказываются деньги, а кратчайшим, то есть наиболее оптимальным, спо-

<sup>7</sup> Цветаева М. Поэт о критике / М. Цветаева // Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 43.

<sup>8</sup> В то же время об этом аспекте забывают современные руководители культуры в нашем обществе.

<sup>9</sup> В свое время о помутнении эстетической идеи в обществе писал Ф. М. Достоевский.

собом их получения, следуя логике количественного, выступает их присвоение (в том числе путем обмана, ограбления). Самым простым и доходным путем для этого является воровство (в каких бы приукрашенных формах оно ни представало и как бы ни толковалось в разных срезах и уровнях его представления, какие бы эвфемизмы ни придумывались для сокрытия их сущности), ибо здесь издержки могут быть сведены к нулю, а получает человек все, что планировал, часто без особых усилий и незамедлительно. Это способствует распространению подобных форм «деятельности», а воровство и коррупцию легитимизирует «по факту», делает их как бы мировоззренчески обусловленными и потому психологически *приемлемыми*, а благодаря этому социально неискоренимыми. В сформированной подобным мышлением «модели мира» наиболее прибыльным, и следовательно, рентабельным, предприятием логически вполне может выступать война, поскольку и агрессор обычно рассчитывает окупить свои расходы за счет ограбления захваченных территорий, и третьи страны надеются на обогащение, финансируя в *равной* степени обе стороны конфликта. Страдания, кровь, смерть не в счет, ибо прежние представления о человечности, праве, справедливости и т. п. перестают работать в исключительно и принципиально прагматистском контексте, в котором действуют сугубо «реальные» люди, выводящие деньги за пределы любых правовых обусловленностей и нравственных оценок.

Современный рынок обусловил свои законы по отношению к человеку, не желая его видеть и слышать, что определило появление важных точек несогласия.

Как писал А. С. Панарин, хотя и является как бы доказанным фактом, что «человеческий фактор» есть главное богатство общества, тем не менее «освобожденные» механизмы рынка оказались прямо направлены на его разрушение, на «социальную деградацию экономически активного большинства, лишаемого цивилизованных условий существования»<sup>10</sup>.

Специфика рыночной психологии создает безжалостную атмосферу отсутствия сочувствия к «неудачникам», «лузерам», которых – ради «пользы дела» – не грех предать, ограбить, убить, ибо

---

<sup>10</sup> Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 488.

это человеческий материал, не имеющий никакой ценности... Безжалостная социальная политика добивает слабых и неприспособившихся, которые теряют надежду и волю к жизни. Хотя Г. Зиммель, например, в своем трактате «Философия денег» оправдывает делателей денег как тех, кто способен сам решать свою судьбу, однако, как известно, судьба делается не столько количеством денег, сколько качествами души, богатством личности, высотой интеллекта, силой характера, запасом и разнообразием знаний и дарований, присутствием, наконец, гениальности, что не компенсируется и тем более не определяется финансовой состоятельностью, но что как раз и составляет известность великих гениев, своим талантом и неповторимостью прославивших истинно человеческие качества высокого творческого дара. В то же время можно ли количеством денег компенсировать отсутствие нужного человеку *качества* жизни, самого человеческого *качества* души?..<sup>11</sup> Особенно если человек устремлен в другие сферы человеческого проявления, которые ныне, к сожалению, утрачивают статус востребованных.

Деньги, с одной стороны, раслаивают общество, внося в него *вненравственное*, узко прагматическое деление. С другой стороны, атомизируют его, ибо люди уже не ощущают себя связанными некой общей судьбой, общей природой – тот есть тем, что не имеет цены. Что имеет цену – не имеет *ценности*, как были убеждены многие известные мыслители, которым было хорошо известно, что существует целый ряд действительных ценностей, которые не имеют цены, ибо они бесценны. И наряду с так называемой «невидимой рукой рынка», должной будто бы все разместить по соответствующим местам, начинает действовать, и часто даже более активно, «невидимая рука криминала», способная уничтожить и то немногое действительно позитивное, что вносит в жизнь рынок как таковой. На отечественном ТВ, которое на практике претворяет лозунг «Деньги решают все!», одно время можно было часто

---

<sup>11</sup> Даже в случае «честного бизнеса» в погоне за деньгами человек разрушает если не другого, то себя – непомерным трудом, иссушающим душу: у него не остается ни времени, ни сил развивать собственную личность и работать с собственной душой. Он по необходимости примитивно «отдыхает» наиболее простым способом. Но ради чего он отказывается от развития собственной души – ради безмерно распухших фантомов искусственно выращенных потребностей? Деньги стирают смысл, ценность, сами краски бытия.

видеть нечто вроде рекламы-рекомендации-пожелания: «Чтобы деньги – были!» Однако было бы неплохо дополнить этот лозунг небольшим корректирующим замечанием: «Чтобы при этом *со-весть* – была!»

В современном обществе фактически не встречаются осуждения нелегитимные (новая «гибкость» морали...) формы и способы обогащения, разного рода пирамиды, ростовщичество, финансово-валютные спекуляции, наркоторговля и даже работорговля и т. п. Установившийся не только в жизни, но и в сознании экономико-центризм формирует как своеобразную толерантность к отклонениям подобного рода, так и равнодушие ко всем остальным сторонам жизни общества и собственно человеческим проявлениям самого человека. З. Фрейд, положивший начало превращению психологии в доходное занятие с помощью «открытия» психоанализа и внедрения его в жизнь общества, превративший и сами нервные недуги в модное явление, называл деньги веселящим газом, утверждая, в свою очередь, что так называемая духовность – это всего лишь невроз.

Итак, из всех занятий человека в современном обществе самым достойным сделался бизнес – «машина для создания богатства», по словам Б. Дж. Мюллера-Тима<sup>12</sup>. А из всех проявлений человека – его проявление как потребителя, само же потребление все больше становится не только основной, но и собственно представительской функцией человека. Как мы помним, и бывший министр образования А. А. Фурсенко поведал, что цель образования – сформировать квалифицированного потребителя... Не творца, как это понималось некогда, и даже не просто достойного человека, но именно *потребителя*, потребляющего со знанием дела (все другие знания оказались не столь обязательными)... Разрушение интеллектуального климата, существовавшего в традиционном обществе, подрыв самих интеллектуальных систем, основ системы образования опускает не только культурное состояние, но и производство на более низкие уровни. Культура производства и производственных отношений, несмотря на все усилия (достаточно непродуманные) внедрения высокотехнологических систем и средств, ощутимо падает,

---

<sup>12</sup> Цит. по: Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Киев, 2004. С. 229.

что способствует оттоку квалифицированных специалистов и интеллектуальной рабочей силы в другие страны (например, в США). В современном обществе деньги как бы выводятся из сферы *нормально-естественного* функционирования и связи с обществом; с одной стороны, они движутся как «пешки» в волонтаристской игре новых властителей, с другой – на определенном уровне действуют совершенно объективно и независимо от человека, как мощный определяющий фактор, имеющий самостоятельное бытие в некой обезличенной, но всеохватывающей и мощной системе. Деньги образуют как бы невидимое магнитное поле, которое по своему организует пространство, где перестают действовать истина, порядочность, честь, где вся деятельность подчиняется единственному магниту – перерождающему пространство *притяжению* денег. Поэтому человек, не встраивающийся в соответствующий «магнитно-силовой узор» денег, где абсолютно все имеет соответствующую цену, то есть не функционирующий исключительно по экономическим правилам, например не берущий взятки и т. п., и воспринимается, и реально оказывается своеобразным инородным телом, *тромбом* в безличных финансовых потоках<sup>13</sup>, и система выдавливает таких людей, опять же делая коррупцию неустраиваемой.

При этом выстраивается особая «идеология», диктуемая этим измененным смыслом и сама изменяющая понимание достаточно очевидных понятий. Так, в частности, толкование процесса обмена товара на деньги упрощенно представляется как собственно рынок и рыночная экономика, в то время как рыночной по сути является всякая (если она реальная) экономика, в том числе *плановая*; в данном случае речь о *сути* (способе понимания) экономики подменяется речью о *способе управления* ею, то есть в конечном счете о том, *кто* (государство или отдельное частное лицо) осуществляет управление и тем самым выступает властью. Понимание денег в отрыве от контекста их обращения выводит их из реальной сферы обращения в тенденциозно толкуемую. Богатство из сферы производства товаров начинает уходить (поскольку не всегда принадлежит тем, кто реально знает, что и как с ним следует делать) и становится своего рода мертвым грузом в обществе. В Зимбабве в свое

<sup>13</sup> Шельганов Ю. Проект Россия. Большая идея. Четвертая книга. М.: ЭКСМО, 2010. С. 150.

время наблюдалось нечто подобное: после отъезда из страны опытных фермеров там наступил голод, хотя запас богатств (природных и материальных) остался тем же.

По словам В. Франкла<sup>14</sup>, стремление к деньгам одерживает победу над человеком, его стремление к смыслу заменяется стремлением к средствам. Иными словами, предварительно деньги «овеществляют» и нивелируют *самого человека*, чтобы облегчить манипулирование им в обезличенном экономическом пространстве. Так, происходит искажение мотивационной сферы человека: поскольку спекуляции приносят большую прибыль, чем само производство, то и труд – производящий, созидающий, творящий – перестает восприниматься как нечто необходимое и достойное, происходит изменение традиционного, в основе своей нравственного отношения к труду, он начинает восприниматься как нечто постыдное и недостойное. Переворачивание устоев жизни влечет за собой искажение основ традиционной нравственности, понимания смысла и цели человеческой жизни.

Деньги сужают значимое для человека экзистенциальное пространство, искажая ценностные представления, они извращают саму суть нормальных отношений, примитивизируя человека в его сущностно человеческом смысле. Можно сказать, они зримо показывают различие между культурой и цивилизацией (которые иногда некорректно отождествляются). Так, английский поэт и философ С. Кольридж считал даже, что следует не только различать, но и противопоставлять культуру цивилизации. По его мнению, цивилизация без культуры дезинтегрирует и даже развращает общество, в то время как культура обеспечивает его гармоническое развитие. Поэтому следует «обучать» людей культуре и таким образом гуманизировать обездушенное общество. В самом деле, мы хотели иметь «цивилизованный рынок», но никто не подумал, что получим бескультурный.

Так, в качестве результатов утверждения рыночных отношений и рыночной психологии, то есть результатов *рыночного отбора*, можно назвать следующие. Во-первых, незаметно, но неуклонно происходит развращение человеческой души и искажение ее струк-

---

<sup>14</sup> См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 317.

туры: системы ориентиров, приоритетов, содержания и смысла самих человеческих отношений. Во-вторых, деньги для многих становятся навязчивой идеей, что с психо-медицинской точки зрения само по себе не есть нормальное состояние. В-третьих, рынок с его искаженной и искажающей картиной мира и его непредвзято-объективного порядка, в свою очередь, искажает и структуру души затянутых в него людей, становящихся узкими функционерами в «лучшем» случае, и просто функциями – в худшем (и обычном). В общем, можно еще раз отметить: рынок «работает» на понижение человеческого статуса (образа и состояния), объявляя негодным товаром человеческие ценности и человеческие чувства, провозглашая сами человеческие судьбы разменной монетой...

Рынок *как бы* и особым «избирательным» образом исключил идеологические факторы из сферы реального обращения, а также возможность идеологического учета из мотивационной сферы, сведя все к якобы более естественной экономике. И как-то оказалось незамеченным (не допущенным в сознание), что *сами деньги и сделались новой идеологией*: примитивной, узкопрагматичной, безлично-жесткой и фактически пустой в конечных своих основаниях. Разумеется, ничего нового мы здесь не сообщаем, и Америка в полном смысле слова была открыта задолго до нас. Еще А. М. Горький писал в свое посещение Америки о состоявшемся у него разговоре с «одним из королей республики», вся жизненная программа которого исчерпывалась формулой: «Я делаю деньги. Зачем? Чтобы делать деньги» и т. д. до (дурной) бесконечности<sup>15</sup>. Деньги жестко «закорочены» на самих себя, они ничего, помимо себя, не имеют в виду, они самоценность. Складывается впечатление, что и человечество, как зашоренная лошадь, бездумно идет по замкнутому (хотя и пестрому) кругу, что ничего, кроме внешних примет, для него не изменилось...

Победивший в *глобальном* масштабе рынок сделал обреченной любую деятельность, не опирающуюся на деньги, которые, свойственным им образом деформируя людей, искажают любую, даже благую цель и идею. Деньги – прежде всего количественная категория, она имеет в виду количество, а не качество. И при этом они

---

<sup>15</sup> См.: Горький А. М. Город Желтого Дьявола / А. М. Горький // Собр. соч.: в 18 т. М., 1960. Т. 4. С. 67–71.

в определенном смысле даже ухудшают качество, приводя мир к более однообразному уплощенному проявлению и оцениванию. Законы рынка привели к тому, что рынок выступил в качестве некоего нового естественного, однако по сути глубоко неестественного, отбора, ибо отбирал не лучшее, но худшее, то, что, не обладая никакими другими достоинствами, сосредоточивается на деньгах как последнем «козыре» в жестокой игре шансов. Посредством и с помощью денег, пишет С. Московичи, худшие могут торжествовать над лучшими, над честными<sup>16</sup>.

Особо пагубным оказалось действие рынка для науки, для культуры... Причем как для самих людей по отдельности, так и для данных областей в целом. Только на первый взгляд люди, преуспевшие в накоплении, выглядят счастливыми и успешными. Однако этот успех определен согласием данных людей принять правила: приспособиться к самым темным, пустым, нечестным сторонам и жизни, и отношений. Люди даже могут сколотить большие состояния путем спекуляции или продвижения заведомо ложных теорий (в том числе задерживающих движение истинного знания). В то же время успех подобного рода сужает пространство восприятия жизни, поле человеческих проявлений. Несмотря на их видимые успехи, по сути своей это люди нисходящего жизненного типа с инволюционирующей высшей духовной сферой...

Что же касается сфер науки и культуры *в целом*, то современная финансовая система с трудом допускает инвестиции, требующие для своей окупаемости длительного периода времени, например инвестиции в сам *человеческий* капитал. Западный экономист Л. Туроу назвал наше время «эпохой узкого временного кругозора»: только быстрая оборачиваемость денег обеспечивает их прирост и успех самой деятельности. Требование подобной краткосрочной рентабельности препятствует возможности опережающего развития науки, культуры, образования, малоприспособленных к условиям измеряемого деньгами менового количества. В результате более адаптированным к рынку оказался далеко не лучший человеческий материал. Меньше души, меньше индивидуальности, никаких сложных мотиваций и чувств, зато больше расчета – условия успешности в ситуации современного рынка. Таким образом,

---

<sup>16</sup> Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 413.

рынок и выступил, и проявляется в роли своеобразного средства *отрицательного* отбора, что означает поражение эволюционно лучшего – более высокого человечески, образовательно, нравственно, психологически. В определенном смысле это стало своего рода (пока ограниченной и в какой-то степени условной) антропологической катастрофой, ибо *антропологически* более высоко организованный тип уступает здесь более низкому типу, поскольку рынок, как уже говорилось, при отборе человеческих типов «бракует» лучших. Что касается так называемого «среднего класса», то в условиях современного рынка без какого-либо корректирующего участия государства он все больше представляется мифом. Деньги произвели дифференциацию в обществе наиболее жестким расслоением и практически уничтожили саму возможность образования *реального* среднего класса.

Рынок – это мышление деньгами, жестко заменяющее слово «ценность» словом «стоимость». Французский политолог Ж. Аттали, один из авторов концепции «нового мирового порядка», развивающий в том числе идеи рынка, считает, что государство существует как организация способа насилия, соответствующего уровню развития; в современном, например, государстве власть измеряется прежде всего количеством контролируемых денег. Всего он выделяет в обществе наличие трех форм проявления власти – Силы, Денег, Сакрального. Выделение власти сакрального показывает, что даже при современном прагматизме человеку не удастся при анализе игнорировать наличие (ощущение наличия) неких *оснований* человеческой деятельности, лежащих не на поверхности, но в сфере метафизического, о котором Ф. М. Достоевский говорил, что описываемые в его произведениях события реальности есть своеобразное отражение тех основных (как бы матричных), которые осуществляются в сфере некоего высшего бытия.

При этом деньги не только участвуют в намеренно поддерживаемом и проводимом оглушении населения, но и сами по себе обладают способностью будить в людях худшее, стирая глубину возможных душевных движений, актуализируя темные бездны «дочеловеческих» стадий развития человеческого бессознательно. Достаточно вспомнить, сколь возросло за последнее время число преступлений на экономической почве: от дел по наследованию имущества до рейдерских захватов успешных предприятий, от по-

хищения и продажи людей на органы за большие деньги до, казалось бы, неожиданного возрождения работорговли, в особенности женщинами и детьми. Своеобразно и глубоко показателен в этом плане хрестоматийный пример с уникальными произведениями самобытного искусства ацтеков, прекрасными ювелирными украшениями, которые получил в дар Кортес (как «живой бог от другого живого бога», Монтесумы), переплавивший эти бесценные свидетельства самобытной (и исчезнувшей) культуры в бесформенные слитки «для удобства», ибо интересным было прежде всего именно само золото как *золото*, вне качественного выражения его в форме художественных ценностей. Темна и безобразна иррациональная зависимость человека от этих безликих знаков, его готовность к искажению ради них своих ценностных представлений, своих человеческих потенциалов.

В самом деле, как свидетельствует Плутарх, тот, «кто, обладая более чем достаточным состоянием, стремится к приобретению еще большего, того не излечит ни золото, ни серебро... нуждается он только в очищении – освобождении от избытка. Ведь его состояние – это не бедность, а ненасытность, возникающая из дурного и противного разуму суждения; если человек не изгонит его, как ленточного червя, то не перестанет нуждаться в излишнем, то есть желать того, в чем он не нуждается»<sup>17</sup>. Еще более простую аналогию – страсти к деньгам с обжорством – предлагает Аристипп: «Кто много ест и пьет, но никак не может насытиться, тот идет к врачам, чтобы узнать, чем вызвано его болезненное состояние»<sup>18</sup>.

Деньги обозначились как преимущественное зло, когда произошло их покушение не только на главные принципы жизни человека, но и на саму жизнь. В условиях своего торжества деньги стали решать вопрос о жизни и здоровье; и теперь уже не только здоровье покупается за деньги, но и возможность жизни, и даже некое бессмертие, способное обеспечиваться новыми весьма дорогими средствами<sup>19</sup> и сверттехнологиями. Уже предсказываются времена,

---

<sup>17</sup> Плутарх. О сребролюбии 3.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Очень высокой является стоимость используемых для поддержания здоровья и молодости материалов, которые должны быть совместимы с биологическими тканями, а также криогенное и так называемое цифровое бессмертие.

когда смогут появиться новые богатые и могущественные, ставшие почти бессмертными, как бы «боги» нового общества – и остальная, обслуживающая их и противостоящая им «биомасса». Неужели даже богов современным людям сделают деньги? Не величие духа, не достоинства души, не развернутые в своем совершенстве лучшие человеческие качества... Но какова будет действительная природа этих богов, полученных таким в общем-то принципиально *количественным* методом? Сколько бы мы ни складывали, например, дрова и какой бы высоты ни достигали их штабеля, эти завалы еще не превратятся, скажем, в космический корабль – нужен и другой материал (мягко говоря), и другая его организация (говоря условно).

С деньгами связаны и обычно ассоциируются не самые лучшие проявления человеческой природы. Не только жадность, но и азарт, становящиеся, например, основной страстью бизнесмена, политика, игрока... Архиепископ У. Темпл утверждал в свое время, что азартные игры представляют собой как бы «антитезу любви», так как «пытаются извлечь прибыль из неизбежных потерь и возможных страданий других людей»<sup>20</sup>. Эта весьма интересная мысль является как бы иллюстрацией и пояснением к тому, по *какой* причине настоящая, действительная человеческая любовь уходит из современного контекста. Эти чувства и эмоции гасятся подобными же по азарту, но противоположно направленными эмоциями игры (в разных проявлениях – на бирже, в операциях с акциями или за карточным столом). Ведь если в азартной игре выигрывает один, то он выигрывает у другого, который тем самым проиграл. И потому деньги, связанные с игрой, тем самым связываются и с агрессией: в них есть наступательность, захват, уничтожение (символическое, а иногда и переходящее в реальное).

Темная стихия жадности, темная иррациональная (несмотря на свой прагматизм) власть денег ведут к умножению преступлений; так, например, учащаются случаи убийства на почве наследования или раздела имущества. Мы, в нашей не лучшей демографической ситуации, нехотая и невовремя забыли о необходимости существования таких форм построения социальности, как межпоколен-

---

<sup>20</sup> Цит. по: Майерс Д. Интуиция. Возможности и опасности. СПб.: Питер, 2010. С. 238.

ческая солидарность, кооперация, альтруизм, наконец. В современном обществе с его повышенным коэффициентом агрессивности и одновременным снижением способности к логическому мышлению утратилось различие биологически адаптивной агрессивности, находящей свое сублимационное выражение и разрядку в активной жизненной позиции и, в частности, в творческой активности, с одной стороны, и биологически неадаптивной агрессии (злокачественной, деструктивной) – с другой<sup>21</sup>. Именно в своей социальной жизни человек в конечном счете убеждается, что относительная «выгодность агрессивности сочетается для него с саморазрушительностью»<sup>22</sup>.

Своего рода бескачественный субстрат денег *по-своему* объединяет мир, ставший как бы мономерным и гомогенным в своем выравнивании по худшему качеству, нижнему уровню. Рыночное «выравнивание» есть подготовка основания под так называемый глобальный мир с глобальным правительством, с неизвестными правилами функционирования и максимально удобного управления. Гомогенное и одновременно разобценное, бесцветное общество – у такого общества, как пишет К. Манхейм, нет ничего, за что стоило бы бороться<sup>23</sup>.

При видимости значимости количественного параметра количество в человеческом мире всегда считалось базой *низшего* уровня, в то время как вопросы смысла, сущности, власти оказываются все-таки не количественными, а *качественными*. Самое высокое качество присутствия человека в мире обеспечивает применение знания, но, как считает Э. Тоффлер, интеллект есть инструмент аристократический, им еще надо научиться пользоваться<sup>24</sup>. Деньги же дают власть непосредственно, хотя часто действуют, что оговаривалось выше, как фактор *ухудшения* качества, переворачивания нормальной логики мира; как правило, именно при отсутствии *других значимых* достоинств наличие денег может выходить на первый план и даже становится решающим фактором. Но, как свидетель-

<sup>21</sup> См.: Mahler M. S. On Human Symbiosis and the Vicissitudes of Individuation. Vol. 1. N. Y., 1968. P. 166. См. также: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 189–190.

<sup>22</sup> См.: Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. М., 2004. С. 192–195.

<sup>23</sup> См.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1992. С. 202.

<sup>24</sup> Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2004. С. 36, 65.

ствовал еще Плутарх, нельзя купить за деньги величие духа, стойкость, решимость, спокойствие<sup>25</sup>. Как мы помним, в нашем прежнем обществе существовало уважение к интеллекту, и культурный процесс в традиционном российском обществе не был рыночным явлением. В частности, в 1975 г. число научных работников составляло 1/4 от числа научных работников всего мира, у нас существовал своеобразный культ знания, высокая оценка интеллекта. Столь же традиционным было уже забытое ныне отношение к самому человеческому ресурсу, когда считалось, что богатство страны не в последнюю очередь определяется не столько сокровищами ее природных недр (нефть, газ, природные ископаемые), сколько наличием квалифицированного населения, без которого любое богатство остается мертвым или бесполезным, ибо используется безграмотно и не полностью. Именно человеческий ресурс остается по-прежнему главным творческим возобновляемым ресурсом в условиях, когда миру угрожает истощение его естественных богатств.

Некритически утверждаемый у нас, принимающий форму рыночного экстремизма, без трезвого размышления, взвешивания разных вариантов, умения «различать и разделять», рынок укрепился в нашем обществе не только в самом «неквалифицированном», но и в самом непоследовательном и уродливом варианте. Рынок и психология спроса способны вытеснить и мессианские идеи, и героический миф об усовершенствовании мира, что прежде считалось принадлежностью *русского* национального сознания. Как мы помним, тема человека и его судьбы в мире, представление об идеале как высшем уровне человеческого развития лежит вполне в русле основных традиционных тем русской классической философии.

Если на Западе процесс «привыкания» к рынку шел достаточно долго и деньги там в определенном смысле скорее четко регулируют жизнь и отношения, то у нас на скоропалительно воцарившемся рынке они скорее дико правят. Их анонимная, безликая, обездушивающая власть особенно уродливо ударила по сознанию постсоциалистического человека, который не был подготовлен к столь резкой

---

<sup>25</sup> См.: Плутарх. Указ. соч.

смене ориентиров и одновременно в природе своей имеет скорее иную память и свойства, о которых Достоевский в «Политическом завещании» говорил, что жажда богатства – это не русская по сути идея. У нас рынок не стал не только культурным явлением, но и просто цивилизованным.

У нас происходит обесценивание, в том числе экономическое, национальной культуры, национального художественного достояния, национальной самобытности в пользу зарубежной, глобальной и глобалистской экономической среды. Национальное предпринимательство (в широком смысле) оказывается лишенным реальной перспективы предприятием. Глобальные «реформы» призваны все, что не может быть обменено на деньги, превратить в отчуждаемое, передаваемое в руки «лучших», более умелых хозяев<sup>26</sup>. «Здесь не люди бракуют вещи, а вещи бракуют своих владельцев, переходя в объятия самых достойных»<sup>27</sup>.

Рынок по сути своей в целом и в своих конкретно-частных проявлениях демонстрирует полную недружественность и к искусству, ибо подлинное искусство требует много усилий и соблюдения определенных условий (в частности, вложений в самого человека, в его образование, разностороннее развитие, в воспитание публики, способной понимать и оценивать искусство, и т. п.). Прибыль же, как мы знаем, может дать только потребляющее большинство, которое для этого нужно *целенаправленно воспитать* как послушного и манипулируемого потребителя (что легче), а не как самостоятельного ценителя (что значительно сложнее). И потому сокращается издание литературной классики, но наращиваются тиражи детективов и комиксов, действительность заполняется разного рода ширпотребом, муляжами, коллажами, в театре и на эстраде царят пошлость и примитив. Современная культура становится пространством пересмотра ценностей и норм, сложившихся в традиции общения человека с высоким искусством и культурой. Рыночно-потребительский тип современного общества заставляет и самого человека приспособливаться не только к его темпу, характеру, но и к его новой системе приоритетов, часто ведущих к извращению традиционных ценностей. И здесь нельзя не вспомнить слова Ф. Ницше: «Многие презираемые в иных эпохах, оставленные за

<sup>26</sup> Панарин А. С. Стратегическая нестабильность... С. 47.

<sup>27</sup> Там же.

ненадобностью низкие вещи мы почитаем важными – зато за “прекрасные чувства” гроша ломаного не дадим...”<sup>28</sup>

Мы помним, что в русской философии уже очень давно ведется серьезный разговор о сути тех явлений, которые ныне составили содержание современного рынка. Насажение агрессивного невежества и бездуховности суть естественные следствия победного вторжения рыночных критериев в культуру. В частности, Василий Розанов еще в свое время, далекое от современного рынка, писал о торжестве агрессивной американской денежной морали над мировой наукой и культурой: поставив свой сапог на академический стол, пишет он, рынок увенчал его лаврами, снятыми с голов Гомера, Данте, Шекспира, Мильтона. А. Белый, считавший количество символом грубой физической силы, что лишь числом нулей делает единицу миллионом, сетовал на то, что «рынок разложил материю искусств... и там, где зеленели луга, – ныне выветренные песчаники»<sup>29</sup>. Множество подобных же «выветренных песчаников» образовалось теперь и по всей территории отечественной культуры. Проникая в науку и искусство, пошлый прагматизм отравляет, развращает, принижает их в их *целях* и *служении*. Дух торжествующей пошлости принижает само их бытие, а дух корысти перебивает лукавые слова о свободе. В особенности же рынок опасен не столько сам по себе, сколько своими вкрадчиво-соблазняющими наступательными технологиями *подмены* ценностей, своей идеологией стремления к неограниченному обладанию вещами, тем, какое место занимает в душе и мире человека ощущение себя обладающим, какое значение он придает именно этому ощущению на фоне всех остальных самоощущений. Современная жизнь иссякает в своих истоках в хаосе беспорядочных желаний, диктуемых алчностью и вожделием. Сам милосердный «христианский Бог любви, – пишет Э. Фромм, – терпит поражение от рыночного идола наживы»<sup>30</sup>.

Новая рыночная рациональность, «рациональность» силы и неприемлемо эгоистичный социал-дарвинизм агрессивно расчищают дорогу стихии голого инстинкта, «новой бестии... похуже фашист-

<sup>28</sup> Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 534.

<sup>29</sup> Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 219, 173.

<sup>30</sup> Фромм Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм // Иметь или быть? Киев: Ника-центр, 1998. С. 83.

ской»<sup>31</sup>. Новый человек либерального типа – это программа достижения, успеха, амбициозности и в то же время приспособления и безответственности (формируется виртуалом, где все легко поправимо и исправимо)... Это человек не усилия, а кредита, желания получить максимум желаемого при минимуме усилий, с психологией временщика, а не долгосрочного существования на Земле. Человек с психологией соглашателя, с готовностью принимающий принцип несправедливости и неравенства. Монетаризм при этом отнюдь не просто техника осуществления новой политики, но агрессивная доктрина, претендующая на *пересмотр основ* человеческой культуры. Сама сегодняшняя политика становится по сути коммерческим предприятием. Если от прежней элиты традиционно требовался не объем потребления, но объем духа, интеллекта, воли, то установка современной элиты на потребление – и только – гибельна для цивилизации в перспективе развития этих ее сторон.

Психология вседозволенности в расчете на обязательное получение прибыли приводит к оживлению многих видов деятельности, которые напрямую нарушают законы человеческого сосуществования. Это, например, торговля оружием, его производство и совершенствование в расчете на возможность войны, безнравственность которой не принимается в расчет. Расширяющаяся экономика «общества потребления» не может существовать без манипулирования людьми; только особый вид конформистов, ставших почти роботами, позволяет обществу «прогрессировать» ко все более возрастающему национальному продукту, и здесь нельзя обойтись без бихевиористской инженерии, сращения новейших технологий и изощренных практик психологического воздействия на сознание. И потому, как считает З. Бжезинский, ныне современный мир стоит накануне таких кардинальных преобразований, для которых Робеспьер, например, оказался бы слишком мягким человеком<sup>32</sup>.

Человеческая личность подвергается символическому уничтожению, растаптывается в ее бессилии воспротивиться унижению. Возникающее новое рабство сопровождается и возрождением торговли людьми, практики похищений для продажи в рабство. По-

<sup>31</sup> См.: Панарин А. С. Стратегическая нестабильность... С. 132.

<sup>32</sup> См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 41, 38.

добное развенчание *образа человека* (творимое опять же во имя денег) не проходит бесследно: оно влияет на характер и содержание человеческих отношений в обществе, изгоняя из них бескорыстие, насаждая крайнее понимание потребительства, сводя человеческие проявления к достаточно низменным инстинктам. Подобное «новое» отношение к человеку «оправдывает» применение пыток, немислимых для современной развитой формы социальности, но именно и отличающихся современной изощренностью. Торговля людьми, продажа в рабство...

Таким образом, современный, соблазненный химерами обогащения и могущества человек идеологически, экзистенциально, нравственно готов встать над понятиями добра и зла, поместить себя вне понятий жизни и смерти; он вообразил себя неким Богом-вершителем, но не захотел (да и не смог бы в наличном своем качестве) принять адекватную этому *ответственность* не только за мир, но и за самого себя. Разрушая *культурные* константы, принимая *моральную* вседозволенность, как если бы ни Бога, ни самой *идеи* Бога (задающей роль вертикального вектора в устремленности человека к своему развитию) и вовсе не было, подменяя религиозные взгляды сатанинскими и неоязыческими соблазнами, деньги в своем количественном проявлении, бескачественном уравнивании, безнравственном функционировании способны погрузить мир в черную дыру «чавкающей» энтропии. Произошло соответствующее смещение энергетических и смысловых уровней: логика коммерции постепенно удушает, иссушает, дискредитирует все, что не обещает прибыли – оно не считается достойным внимания, не вдохновляет, даже если это открытие или прорыв к качественно новому. Разрушая общественные связи, деньги в то же время не создают каких-либо *общезначимых* ценностей или устойчивости.

В то же время для нормального функционирования любого общества (нормально понимаемого как некоторого единства организации бытия и устремлений объединяемых им людей) нужно *согласное* функционирование всех многообразных составляющих его частей. Чтобы общество могло не просто существовать – от кризиса к кризису, – но и процветать, людям, помимо накопления и замкнутого на себе функционирования денег, нужна мечта о будущем, нужен его проект... Человечество утратило наивную мечту

осуществить разумное и справедливое устройство общества (так и обозначив его как *утопию*), однако можно учесть *опыт самой* человеческой *мечты*, заимствовать лучшие и реальные *элементы* устройства такого общества, чтобы встроить их в настоящее, усовершенствовав его. И вообще, если не ждать милостей от рынка, который якобы все устроит «сам собой», следует обратиться к мысли о том, что единственным достоверным источником долговременного развития и даже устойчивого конкурентного преимущества является *знание*, и вспомнить, что единственным источником непреходящего богатства общества, его неиссякаемым капиталом является сам человек. Но приращение знания, возможное на основе творческого подхода к действительности и ее осмыслению, не происходит автоматически даже за счет денежных инъекций в какие-то отдельно взятые (тем более конъюнктурно выделенные) проекты. Необходим общий *творческий климат* в обществе, нужны идея и цель, не исчерпывающиеся приращением дохода. Необходимо качественное изменение качественной же ситуации в обществе, в частности в отношении к *науке и культуре*, которые способны изменить в положительную сторону и климат, и качество мышления о мире. И кроме интересов геополитических, гарантирующих сохранение государства и общества, необходимо и сохранение человека – во всей полноте его человеческих качеств и возможностей. И, возможно, следует вспомнить о том, что существует и такое понятие, как «идеал человека». Пока же мы видим, что направленный «отбор», осуществляемый современным рынком, ведет к культивированию недолжного, недостойного, приводит к падению нормы, к ухудшению человеческого «материала», а также самого вида «человека разумного» и в перспективе к угрозе его вырождения.

В самом деле, складывающаяся единая глобальная система мирового капитализма, сделавшаяся, как стараются убедить мир сторонники этого воззрения, *единственной* экономической и идеологической силой, имеет исключительную возможность формировать человека и в целом содержание фактически всей культуры такими, какими они ему нужны и удобны, исходя из его целей и представлений о способах их достижения. Поскольку в условиях исключительности исчезают *внешние* конкуренты, противостоящие ему си-

стемы и идеологии, а рынок становится господствующей в глобальном масштабе силой, капитализм более не заботится о сохранении своих традиционных «козырных карт» (стабильности, высокой заработной платы и т. д.) В качестве движущих сил капитал может откровенно опираться в своих целях на наиболее низменные – жадность, корысть – и эксплуатировать их. Образ «государства всеобщего благосостояния» более не нужен, остался только порядок, который без внешней конкуренции делает ставку на усиление конкуренции внутренней – выживание сильнейшего. По мнению американского экономиста Л. Туроу<sup>33</sup>, такая ситуация – без привычных внешних «апелляций» и стимулов – означает проблематичность самой возможности развития капиталистической, ставшей всеохватывающе глобальной, системы. Но в данном случае нас интересует содержание и «качество» культуры человека: как изменяются система его предпочтений, сами его качества, как начинает изменяться и подстраиваться под происходящее человеческая природа...

Поскольку у системы, ставшей мировой, всеобъемлющей, в целом не существует уже и конкурента (что, по мнению рыночников, является главным условием развития) на Земле, то будущее ее незавидно, она – если не перейдет на иную парадигму мировоззрения – с неизбежностью обречена на выморочность... Может быть, имеет смысл задуматься по поводу этой логики, пока не поздно.

---

<sup>33</sup> См.: Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.